

УДК 902/904; 299.4

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.271.289>**КОЧЕВНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА И НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОКТРИНЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИМПЕРИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹**

©2024 г. С.Г. Боталов

Посвящаю светлой памяти Л.Р. Кызласова

Статья посвящена интерпретации и систематизации изобразительных образов, помещенных на лицевой стороне предметов торевтики из средневековых памятников Южного Урала. Опорой рассматриваемой коллекции явились артефакты из погребального комплекса Уелги. До недавнего времени изобразительные образы средневековой торевтики ремненной гарнитуры интерпретировали абстрактно как «растительный», «зооморфный», «антропоморфный», «орнитоморфный», геометрический и пр. орнаменты. Анализируя материал, автор в последние годы пришел к убеждению, что изобразительные образы и символы представляют собой стройную систему иконографических религиозных традиций, сложный культурно-религиозный комплекс, который формируется под воздействием манихейских традиций. В этой связи основной целью и задачами настоящей статьи является анализ и интерпретация основных стилистических изобразительных групп и образов в торевтике кочевнических памятников Алтая, Восточного Казахстана, Южного Урала и далее на запад до Карпатской котловины, времени исхода и обретении Родины венграми-мадьярами (IX–X вв.). Методами исследования является сравнительный анализ и интерпретация отдельных изобразительных групп, сюжетов и линий в материалах, полученных из памятников Южного Урала (Уелги, Синеглазово, Актюба, Нижний Яр, Ишимбаевские, Старохаилиловские курганы), а также других одновременных комплексов Урала, Поволжья, Поднепровья и Карпатской котловины. Основным выводом исследования является предположение, что возникновение и развитие большинства стилистических групп и линий происходит на Алтае и Южном Урале. Дальнейшее движение этих традиций и артефактов, отражающих их, направлено на Запад, вероятно в период миграции будущего венгерского населения на Новую Родину в Карпатскую котловину, где они получают новое развитие.

Ключевые слова: Уелги, манихейство, несторианство, сроткинская культура, тухтятская культура, средневековье.

NOMADS OF THE SOUTHERN URALS AND NEW RELIGIOUS DOCTRINES OF THE MEDIEVAL EMPIRES OF CENTRAL ASIA²**S.G. Botalov***Dedicated to the blessed memory of L.R. Kyzlasov*

The article is dedicated to the interpretation and systematization of pictorial images placed on the front side of toreutic items from medieval sites of the Southern Urals. The collection under consideration is based on artifacts from the Uelgi burial assemblage. Until recently, the medieval toreutic images of the belt set were interpreted abstractly as “plant”, “zoomorphic”, “anthropomorphic”, “ornithomorphic”, geometric and other decors. Analyzing the material, the author has come to the conclusion in recent years that images and symbols represent a harmonious system of iconographic religious traditions, cultural and religious complexes, which were formed under the influence of Manichaean traditions. In this regard, the research is aimed to analyze and interpret the main stylistic pictorial groups and images on the toreutics of the nomadic sites in the Altai, Eastern Kazakhstan, Southern Urals and further west to the Carpathian Basin of the ancient Hungarian migration period (IX–X centuries). The research methods are comparative analysis and interpretation of individual pictorial groups, plots and lines in materials from the sites of the Southern Urals (Uelgi, Sineglazovo, Aktyuba, Nizhny

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени» <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

² This work was financially supported by the Russian Science Foundation № 24-18-20055 Economy and social organization of pastoral societies of the Southern Trans-Urals: from late antiquity to modern time <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

Yar, Ishimbayevo, Starokhalilovo barrows), as well as other contemporaneous assemblages of the Urals, Volga region, Dnieper and Carpathian basins. The main conclusion of the study is the assumption that the emergence and development of most stylistic groups and lines occurs in the Altai and Southern Urals. The further movement of these traditions and artifacts reflecting them is directed to the West, probably during migration period of the future Hungarian population to the New Homeland in the Carpathian Basin, where they receive new development.

Keywords: Uelgi, Manichaeism, Nestorianism, Srostki culture, Tyukhtyaty culture, Middle Ages.

В 763 году в столице Уйгурского каганата Орда-Балыке при кагане Идигане четыре манихейских монаха провозгласили учение Мани официальной религией каганата. Это событие имело значение не только в сиюминутной политической конъюнктуре, но и весьма серьезное культурно-идеологическое последствие в дальнейшем развитии кочевнических сообществ Центральной Азии. Новая религиозная доктрина кардинально изменила облик кочевников Саяно-Алтая. Прежде всего, это отразилось на поясной гарнитуре украшений упряжи коня и предметах украшений в женских погребениях. На смену поясам и украшениям упряжи, представленных прямоугольными и фигурными плоскими серебряными и бронзовыми накладками, приходят комплексы полиметаллической (серебро с золотом плакировкой) торовитки, украшенной богатым растительным, антропоморфным, зооморфным и прочими сюжетами.

В VIII–X вв. складываются два основных изобразительных стиля: сrostкинский (алтайский) и тyхтятский (енисейско-минусинский). Со второй половины IX века эти новые традиции начали внедряться в культурную среду южноуральских кочевников. Причиной этого вероятно явилась широкая экспансия кочевого населения Саяно-Алтая на Южный Урал. В своем изобразительном арсенале они, по сути, отображают общие семантические сюжеты, разницу составляют технологические особенности. Алтайский вещевой комплекс (полиметаллическое серебро, позолота) наряду с литым присутствуют штампованные артефакты. Енисейско-минусинские, как правило, представлены монометаллическими цельнолитыми вещевыми комплексами. Безусловно, эти различия касаются и особых изобразительных приемов, присутствующих в этих стилистических группах, которые впоследствии и легли в основу их культурной идентификации.

С конца VIII в. эти новые традиции начали внедряться в культурную среду южноуральских кочевников. Причиной этого вероятно

явилась широкая экспансия тюркского населения Саяно-Алтая на Южный Урал. Этот факт отмечался исследователями в разные годы (Гаврилова, 1965; Савинов, 1976; 1978; 1979; Мажитов, 1981).

Так сложилось, что с первых дней открытия (2009 г.) и последующего более чем десятилетнего исследования погребального комплекса Уелги на Южном Урале стилистическая типология материалов ременной гарнитуры составила основу первичных и последующих систематизаций материалов памятника (Боталов, Грудочко, 2011; Грудочко, Боталов, 2013; Боталов, 2018; Боталов и др., 2019, с. 82–86).

Метод систематизации предметов ременной гарнитуры и украшений по стилистическим группам, избранный в самом начале исследований Уелгов, оказался вполне продуктивным. За основы были выбраны техника изготовления и сюжетные изобразительные линии. Методологическая оправданность данного подхода на наш взгляд определяется тем обстоятельством, что южноуральские кочевники развитого средневековья вступили в период монорелигиозных предпочтений. Большую часть изобразительных практик кочевнической торовитки составляют устоявшиеся к концу VIII века в Саяно-Алтае манихейские сюжетные линии. Как известно манихейство как синкретическая религия вобрала в себя не только учения зороастризма, христианства (неcтoриaнcтвa), буддизма и индуизма, но и весь спектр изобразительных образов, сопровождающих и символизирующих эти верования.

Сrostкинская стилистическая группа (сердцевидные, арочные и концевые накладки с изображением цветов, стеблей и плодов «Древа жизни» – смokвы) при детальной картографии ее далее на восток, первый опыт которой был проделан венгерскими коллегами Эрвином Галом и Гeргeли Зeнce, имеет весьма широкий диапазон распространения от Алтая до Карпатской котловины (Erwin Gall, Gergely Szenthe, 2020, p. 181–197) (рис. 1).

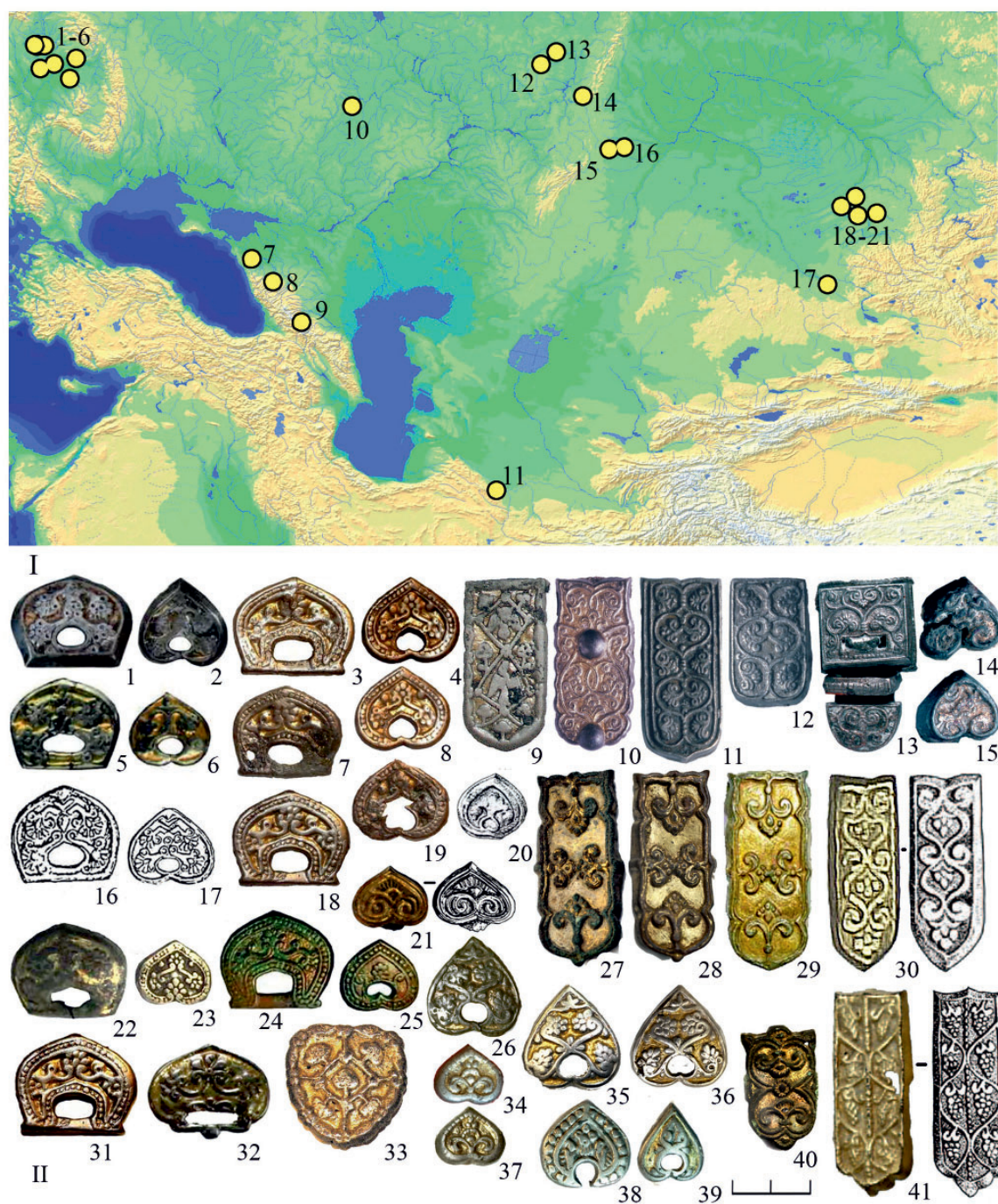

Рис. 1. Распространение накладок сrostкинского типа с изображением смokвы.

Fig. 1. Distribution of Srostki type mounts with figs.

Особую интригу эта группа представляет в южноуральских средневековых комплексах. Здесь артефакты сrostкинского типа, изначально присутствовали с целым рядом стилистических групп, о чем будет сказано ниже. Так с исследованием кургана 11 погребального комплекса Уелги стало очевидно, что сrostкинский предметный ряд и предметы мадьярского облика присутствуют в одном кургане. Особенно ярко это взаимосочетание

отобразилось в могильнике Актюба, расположенном в 20 км к В от Уелгов. где в одном комплексе, наряду с украшениями упряжи, бляхами и накладками, выполненными в карпатском стиле, присутствуют пояс, щиток пряжки, сердцевидные и арочные (с прорезью) накладки сrostкинского типа (рис. 2: 5–13) (Боталов и др., 2021, с. 84–90).

Среди предметного Уелгинского комплекса просматривается еще до десятка стилистиче-

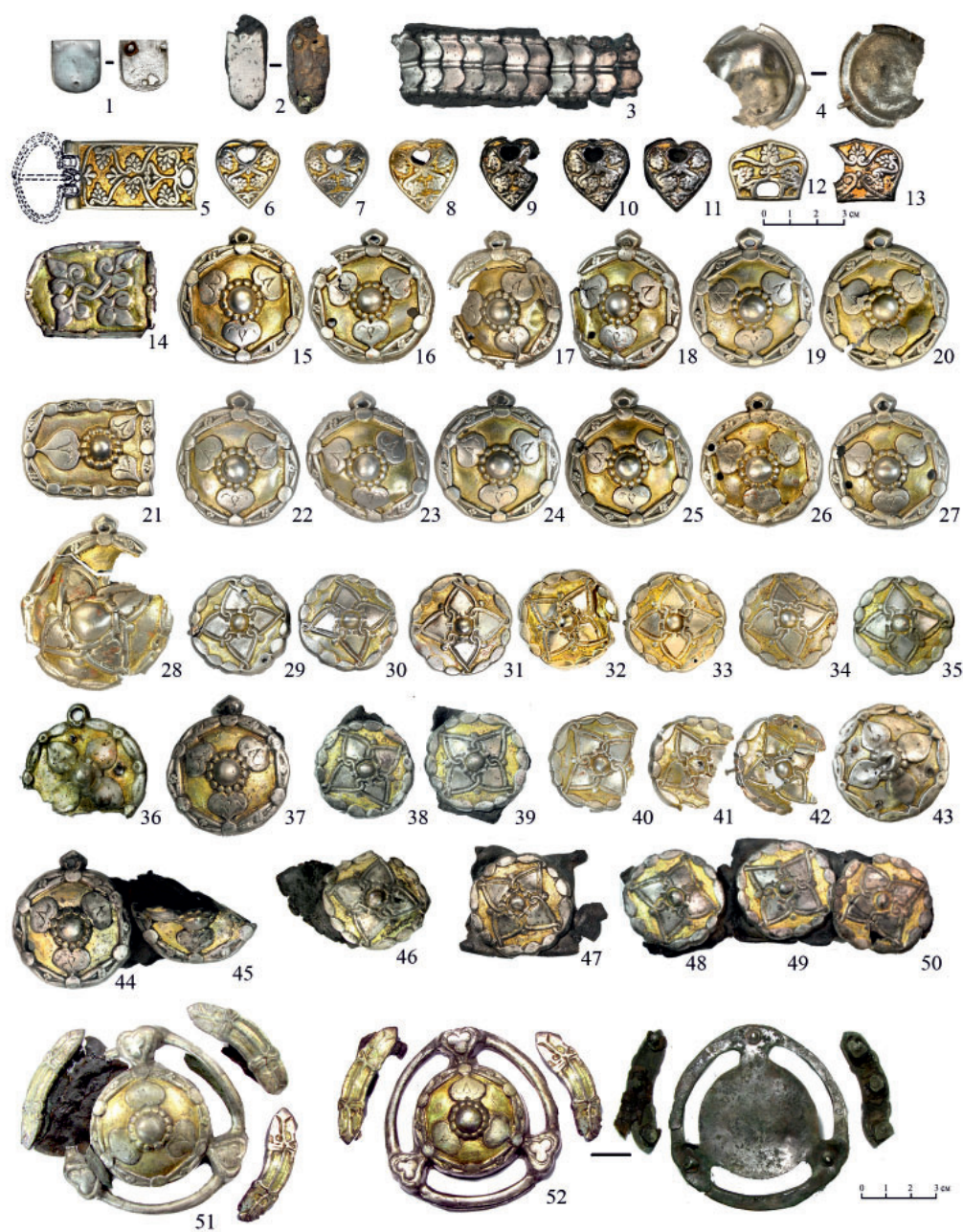

Рис. 2. Актюба

Fig. 2. Aktyuba

ских групп и линий, которые так или иначе связаны с манихейской символикой. К первой относятся изобразительные сюжеты, связанные с уже упомянутым растительным орнаментом, символизирующим цветы и листья Древа жизни (смоковницы, инжира), изображенных на вышеописанных «сросткинских» накладках. В работе, посвященной кочевнической торевице, Г.Г. Король и О.Б. Наумова также картографировали распространение прямоугольных накладок с прорезью в нижней части, украшенной композицией раститель-

ного орнамента с «симметричными гроздьями винограда» (Король, Конькова, 2007, с. 145–156; Король, Наумова, 2017, с. 12, рис. 4). Ареал их распространения оказался также впечатляющим – от Бурятии до Поднепровья, включающим районы Минусы, Кузнецкой котловины, Тувы и Средней Азии. Авторы отнесли этот сюжет к буддийской символике, равно как и мотив «цветка смоквы». К сожалению, изображения прямоугольных накладок приведены в графическом исполнении, что не всегда оказалось убедительным, так как

Рис. 3. Манихейская стилистическая группа

Fig. 3. Manichaean stylistic group

на некоторых из них кроме гроздей «винограда» хорошо просматриваются уже известные «цветы смоквы». Не пытаясь оспаривать авторитетное мнение специалистов, выскажем осторожное предположение. Этот тип накладок вероятнее всего относится также к кругу предметов, имеющих растительную орнаментацию, в виде цветка смоквы или «древа жизни», образ которого является универсальным и одновременно может относиться к раннехристианским и буддийским символам и как универсальный к манихейским (Боталов, 2022, с. 57–61). Вероятнее всего, эту же символику содержат другие накладки с расти-

тельным орнаментом из коллекции Уелгов, их отличие лишь в степени изобразительной стилизации.

Манихейская стилистическая группа. Образ пламенеющей жемчужины. В Уелгинской коллекции присутствуют пять монометаллических накладок (вероятнее все они происходят из 29 кургана): три сердцевидной и две арочной формы с фигурной прорезью внизу (рис. 3: 1–6). Изобразительный сюжет данных накладок получил в литературе название «пламенеющая жемчужина». Вероятно он явился первым стилистическим образом, который в начале 1980-х годов Ю.С. Худяков

сравнил с языками пламени уйгурско-манихейских светильников, на материалах могильника Ник-Хая (Минуса) (Худяков, 1983, с. 144–153). Позднее С.Н. Нестеров приводит значительную географию подобных находок среди памятников чаатасской и тюхтятской культур (Нестеров, 1990, с. 64).

Манихейская стилистическая группа. Несторианские сюжеты хорошо просматриваются на примере образов Иисуса с поднятым в правой руке двуперстием на уелгинской накладке и на щитке известной пряжки из субботцевского комплекса (рис. 3: 7–10). В этот же ряд входят и накладки с образами парных птиц, изображенные у Древа жизни. Этот сюжет имеет широкое распространение не только в материалах Уелгов. Наиболее близкой по сюжету (две курочки с расправленными крыльями соприкасаются грудками и клювами поддерживают росток Древа жизни) уелгинской концевой накладки является накладка из погребения Краснореченского городища (Семиречье) (рис. 3: 11–12, 15) (Торгоев, 2003, с. 286, рис. 18; 2004, с. 341, рис. А. 2). Специалистами по средневековой тюркестанской орнаментике они приводятся как образ птиц или птиц-фениксов (Король, Наумова, 2017, с. 26–28, рис. 14, А, Б. 1, 2, 5–15, 16–25) в большинстве своем из памятников и местонахождений Саяно-Алтая и Минусы. Этот образ также известен и в салтовской культуре (Верхнесалтовский могильник, кат. 32) (Король, Наумова, 2017, с. 27, рис. 14Б).

Интересный сюжет парных птичек присутствует в погребении кургана 6 Старо-Халиловского могильника (Башкортостан), где в украшении (портупей (?), сумочка (?)) вошел комплекс из двух полиметаллических (серебро с позолотой) накладок: фазанов и цветка (рис. 3: 14).

Нечто подобное мы видим в материалах Уелгов и могильника у с. Решетниково Омской области, исследованного Г.Н. Малаховым в 1867 году, где на кожаной сумочке нашиты две пары серебряных птицевидных накладок (фазаны?) вокруг четырехлистной серебряной накладки с концами в виде цветков смородины (Король, 2008, с. 273, табл. 14.10; Heikel, 1894, р. 80–85, pl. XXIV) (рис. 3: 16).

Образ парных птичек у Древа (или цветка) жизни присутствует и среди материалов Карпатской котловины на известном серебряном браслете из Tiszaeszlár-Bashalom-

Рис. 4. Манихейская стилистическая группа

Fig. 4. Manichaean stylistic group

Fenyvespart II – на двух створках в круглых рамках изображены четыре птицы, возможно, серых куропаточек, перепелок или коростелей (по заключению орнитолога В.Гашек), сидящих с двух сторон от цветка смородины в изобразительной аналогии синеглазовой группы (см. ниже) (рис. 3: 17, 18) (Mesterházy Károly, 2018).

Особым элементом манихейско-несторианской стилистической традиции является символ креста. В материалах Уелгов насчитываются до десятка накладок в виде крестов и крестовых изображений, вписанных в округлые и арочновидные накладки, они встречаются как полиметаллические (серебро с позолотой), так и изготовленные из серебра и меди (рис. 4: 1–8). Их семантическое значение, как символ несторианства, нами было приведено в ряде статей (Боталов, Байоглу, 2017, с. 98–103; Боталов, 2022, с. 58, рис. 6, 1–5; Боталов и др., 2019, с. 166–169).

Интересно, что находки ременной гарнитуры с символикой креста не картографируются восточнее Южного Зауралья. Исключение составляют находки изображений несторианских крестов на керамической и металлической посуде, а также на архитектурных деталях из памятников Семиречья и Согда (Кызласов, 2006, с. 142–144, рис. 2–4; Кляшторный, Плоских, Мокрынин, 2013; Рогожинский, Железняков, 2019, с. 169, рис. 1, 1–4; Железняков, 2002, с. 299–302; Григорьев, Железняков, 2007; Ротт, 2005, с. 44–50). Вероятнее всего близость Южного Зауралья с тюркскими столицами Западно-Тюркского, Тюркешского и Караханидского каганатов (Суяб. Невакет, Баласагун), где, как известно, располагались несторианские и манихейские монастыри и буддийские храмы, оказало решающее значение на формирование этих традиций (Кызласов, 2006, с. 140–141, рис. 1). Особые случаи изображения крестов и крестовых символов фиксируются в памятниках Карпатской котловине времени Обретения Родины. Некоторые из этих артефактов по своей форме принадлежат к несторианским (равноконечные, расширяющиеся к краю). Особые находки относятся к крестам-энколпионам византийского типа, на концах которых в круглых рамках-овалах располагаются богоматерь, архангелы и святые (рис. 4). Безусловно, энколпионы указывают на активную деятельность византийских миссионеров с первых десятилетий пребывания венгров в Паннонии, что привело к ранней христианизации кочевой элиты и отразилось в появлении этих артефактов в материалах эпохи Обретения Родины (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 230, 3; 272–273, 35, 37; 291, 2, 3; 300, 1; 330, 1; 409, 2) (рис. 4: 10–15). Однако первостепенная манихейская составляющая, как нам представляется, вполне могла иметь место и в этом случае.

На западе известна также находка сферической накладки с тисненным по центру несторианским крестом в материалах мадьярского круга из Карпато-Днестровского региона (Диногения, Румыния) (Рябцева, Рабинович, 2007, с. 208, рис. 2, 23).

Среди материалов Карпатской котловины в памятниках времен Обретения Родины встречено значительное количество нательных крестов и их изображений на предметах торевтики (A honfoglaló magyarság, 1996,

р. 182, 183, 2, 3; 193, 1; 228, 2; 230, 3; 245, 2; 247, 3; 272; 273, 35, 37; 291, 2, 3; 330, 1; 408, 2; 409, 2). Особенно интересным в этой связи нам представляется богато изготовленный серебряный с золотой плакировкой наборный пояс из могильника Каранчлапуйтё (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 399, 1). Как известно он является прямой аналогией пояса из п. 505 Крюковско-Кужновского могильника (Иванов, 1952, с. 217, табл. XXXIII, 1, 2; Зеленцова, 2018, с. 294, рис. 11, 1–5) (рис. 4: 16–17). Коллеги, которые посвятили данным артефактам специальное исследование совершенно справедливо пришли к мнению, что данные поясные наборы представляют собой парадную деталь костюма человека с определенным социальным статусом, возможно воина (Зеленцова, Митоян, Саприкина, 2012, с. 50). Безусловно, необычную орнаментацию, украшающую изделия: парные крестообразные тисненные изображения, обрамление насечками (в венгерском случае) или выступающим бордюром (в мордовском памятнике) можно интерпретировать как оригинальный и очень стилизованный трилистник. Однако нам представляется, это особая крестообразная символика, которая украшает неординарный пояс, принадлежавший вероятно, особой персоне, обладающей неким духовным статусом.

Манихейская стилистическая группа. Буддийско-индуистская линия. При анализе Субботцевского комплекса поясной гарнитуры кроме центрального несторианско-манихейского образа Иисуса с поднятым двуперстием венгерский коллега Клима Ласло предложил интерпретацию еще двух изображений – авалоки-ташвары и танцующих дев – «аспаров» (рис. 5: 6, 7). Предложенная им картография подобных находок включает: Катериновка, Новониколаевка (Поднепровье), Ишимбаевский могильник (Башкортостан) и Редикор (клад) (Пермский край) (Klima Laszlo, 2018, р. 136–149) (рис. 5: 1–6).

В Уелгинском могильнике найдено четыре округлых накладки – многорукой богини плодородия и материнства (Парвати) в позе подмаса и с цветками в руках. Очень похожие накладки в этой же позе составляют пояс из погребения 357 Баяновского могильника (Подосенова, 2016, с. 129–132, рис. 4, 5) (рис. 5: 12–15).

Наиболее ярким буддийским восточным стилистическим образом, обнаруженным

Рис. 5. Манихейская стилистическая группа

Fig. 5. Manichaean stylistic group

в материалах средневековых памятников Южного Урала и в могильнике Уелги в частности, является серия зооморфных изображений. Самую большую серию их составляет образ собаки «Шицзы», так называемой сидячей собаки, восходящей ко льву Будды (Король, Наумова, 2017, с. 19–21, рис. 9, 10). Этот универсальный буддистский образ собаки и сидящего льва встречается в памятниках Татарстана и Южного Урала, а также Карпатской котловины (Комар, 2018, с. 345, рис. 30, 17; Халикова, Халиков, 2018, с. 127, табл. XIX, 6; A honfoglaló magyarság, 1996, р. 154, 6; Horváth Ciprián, 2022, р. 125, 72, 2; 212, 34, 3–6) (рис. 5: 16–27). Большое количество этих изображений встречены в пределах

Саяно-Алтая, в этой связи мы не приводим эти аналогии, ссылаясь на авторов, уделившим этому сюжету особые разделы (Король, Наумова, 2017, рис. 9) (рис. 5: 16–21).

Большая коллекция зооморфных изображений собак, обнаруженных в памятниках Семиречья, и львов из Краснореченского и Ак-Башимского городищ, относящихся к VIII–IX вв. (Торгоев, 2003, с. 285–287, рис. 20; 2004, рис. а1, 3В 10, 11; 015–17).

Кроме обозначенных существуют также особые изобразительные группы, которые содержат некоторый маркирующий сюжет.

Синеглазая стилистическая группа. Летом 1959 года В.С. Стоколосом при проведении аварийных раскопок курганов

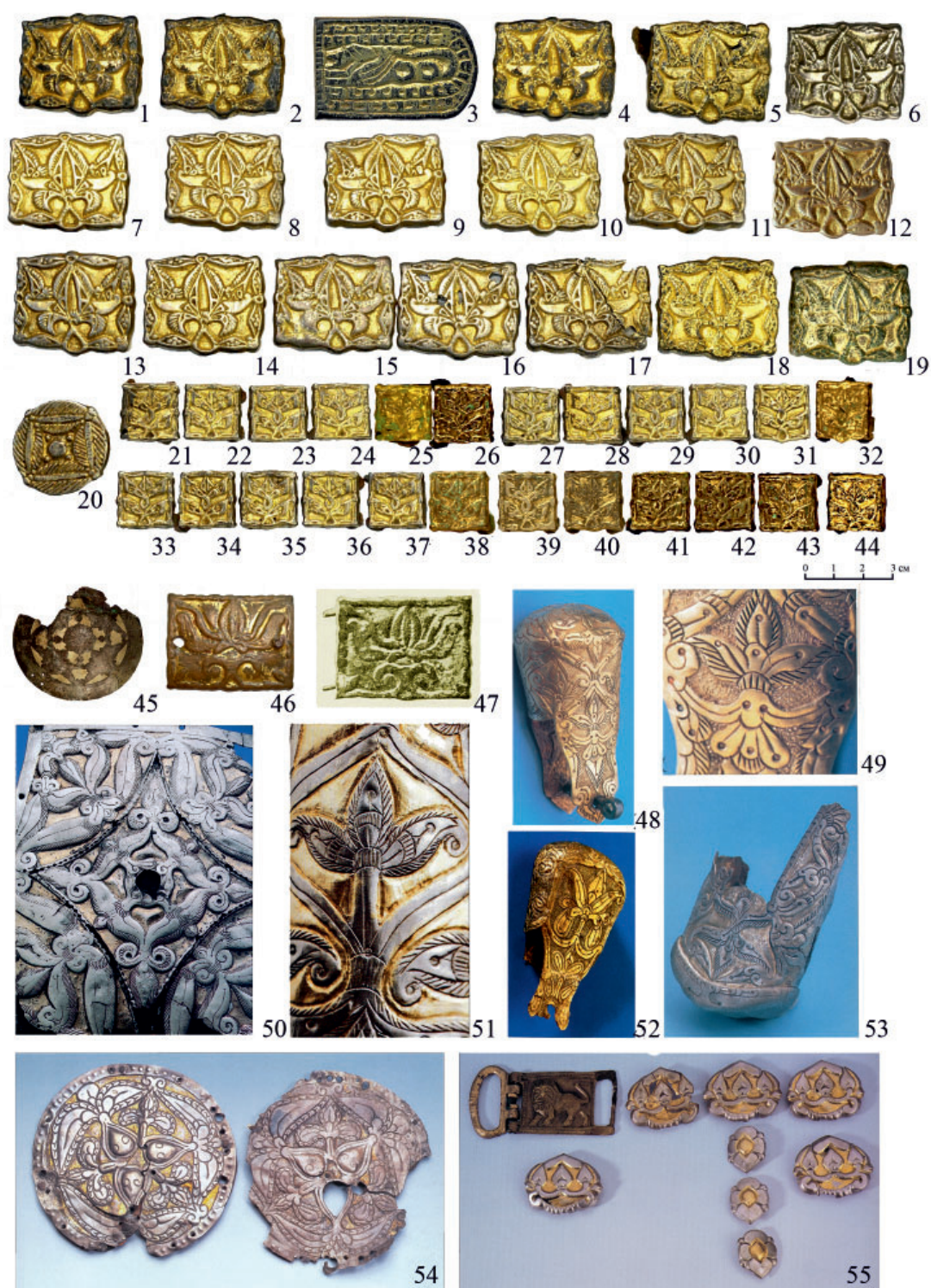

Рис. 6. Синеглазовская стилистическая группа
Fig. 6. Sineglazovo stylistic group

на озере Синеглазово (Стоколос, 1962, с. 163–168) были обнаружены остатки украшений конской упряжи. Они состояли из 15 крупных прямоугольных, 24 мелких квадратных, одной круглой и одной концевой полиметаллических (серебро с золотом) накладок, имеющих изображение цветка смоковницы,

спускающегося сверху от центральной петли, далее от округлого соцветия отходят вверх, загигаясь, в бока и вниз, заостряющиеся на концах лепестки соцветия (рис. 6: 1–44). В этой связи этот узор получил впоследствии рабочее название «лилия». Позднее подобная прямоугольная накладка была обнаружена

в 2009 году в первичных подъемных сборах могильника Уелги, впоследствии такие накладки найдены в насыпи кургана 11. При этом было обращено внимание, что Синеглазовские и Уелгинские накладки являются идентичными и выполнены одним мастером. Все накладки изготовлены на одном рабочем шаблоне и имеют характерный дефект: правая сторона накладки меньше, чем левая (рис. 6: 1–2, 4–19). Таким образом, изделие скорее трапециевидное, чем прямоугольное. Данный факт вынуждает признать, что появление этих изделий в разных некрополях, удаленностью почти на сто километров друг от друга, указывает, скорее всего, на их изготовление местным мастером.

Общая картография данной стилистической группы включает накладку из могильника Вак-Кур (Нижнее Притоболье), Каранаевские курганы, к-н 58, погр. 25, Ишимбаевские курганы, к-н 2 (Южный Урал), могильник Новониколаевка (Поднепровье) (рис. 6: 35–37). В своей работе В.В. Мурашева приводит европейскую географию ремесленных накладок с этим растительным сюжетом, приводя их аналогии с Кавказа, Венгрии и Воскресенского клада (Мурашева, 2000, с. 37, рис. 44). В работе Т.Арне, на которую она ссылается, это местонахождение накладок, отражающих данный стиль, существенно расширяется: Гнездов, Самарканд, Сибирь и Кубань (Арне Т., 1914, р. 135, fig. 176–179).

Наиболее ярко именно этот прием изображения цветка Древа жизни с заостренными вытянутыми и поднятыми вверх, загнутыми по краям и опускающимися книзу лепестками и листьями, ярко представлен в орнаментике предметов из комплексов периода Обретения Родины в Карпатской котловине. Вероятно в Карпатской котловине этот сюжет явился наиболее популярным и излюбленным изобразительным образом венгерских мастеров (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 80, 6; 114, 4; 128, 1; 133, 3; 178, 1; 183, 3; 199, 3; 217, 4; 307, 1; 342, 1; 389, 1; Dienes Istvan, 1972, fig. 3, 4, 7, 13, 22, 25, 25) (рис. 6: 38–45).

Крюковско-кужновская стилистическая группа. Еще одна группа, условно названная крюковско-кужновской по названию могильника, где предметы этого стиля были обнаружены впервые (Иванов, 1952, табл. XXVIII, 12; XXXIII, 4; XXXIV, 5, 15; Комар, 2018, с. 366, рис. 50, 55в). Оригинальный изобразительный

сюжет этого стиля состоит из двух цветков смоквы, обращенных с боков навстречу друг другу или одного (на щитках пряжек) цветка, имеющие длинные фигурные лепестки.

Фрагменты пояса с подобным украшением гарнитуры был найден в 11 кургане могильника Уелги (крайне восточное местонахождение), а также в 279 погребении Баяновского могильника (Пермский край), далее накладки этого типа картографируются собственно в Крюковско-Кужновском могильнике (Мордовия), в Поднепровье (курган у г. Слободзея) (Тельнов, 2018, с. 228, рис. 2), наконец, в Карпатской котловине (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 204; 238, 4) (рис. 7).

Карпатская стилистическая группа является наиболее известной. Наличие ее четко определилось с первых дней исследований могильника Уелги, когда серия круглых сферических накладок была обнаружена в подъемных сборах. Она представлена круглыми накладками-бляхами различного размера, имеющими сферическую в сечении форму. Изобразительный сюжет в обязательном порядке содержит в центре сферическое ядро, оформленное ободком или фигурным пояском, три или четыре лепестка сердцевидной или подтреугольной формы и характерный бордюр в виде чередующихся овалов и кругов. В ряде случаев внутри овалов вписан четырехлистник. Впоследствии вероятно происходит стилизация этого сюжета, которая заменяется трех или четырехлепестковыми формами, которые так ярко представлены в памятниках Венгрии Времен обретения Родины.

Именно эта стилистическая группа становится впоследствии наиболее маркерная для памятников Карпатской котловины (A honfoglaló magyarság, 1996, р. 170, fig. 2; 213, 4, 5; 214, 7, 8; 235, 4, 5; 304, 2; 322, 2; 357, 3, 5, 6; 392, 1; 404, 2; 413, 2, 3; Reversz Laszlo, 1996, р. 229, nebla 7, 1–3, 5, 10–12; 241, 22, 7–17; 291, 69, 1–3, 5–9, 26, 27; 315, 92, 14–36; 318, 95, 1–26; 359, 136, 3; 356, 143; 384, 162, 1–3, 5–9, 13, 14; 385, 162, 14–37; 386, 163, 1–26, 29–40). Появление первых накладок этого стиля в материалах Уелгов первоначально создало определенную интригу для исследователей. Так как ранее подобные материалы не были обнаружены столь далеко на востоке. Появление их серии в материалах кургана 11 и комплексе Актюба, где разнообразные

Рис. 7. Крюковско-Кужновская стилистическая группа
Fig. 7. Kryukovo-Kuzhnovo stylistic group

накладки и бляхи карпатского стиля оказались в едином комплексе с поясным набором пряжек и сrostкинских накладок, а также других стилистических групп и линий, упомянутых выше (рис. 2; 8).

В это же число входят наконечники ремней подпрямоугольной формы со скругленным внешним краем. Они также содержат цветковый орнамент в виде отходящих от центральной сферы бутонов, либо переплетенных стеблей цветков (смоквы?).

Подобные концевые накладки с переплетенными стеблями были обнаружены в Карпатской котловине: Артанд-Надьфаркашдомб, п. 207 т Саконь-Кавичбанья, п. 7 (Horváth Ciprián, 2022, p. 127, fig. 73, 2).

Однако самое большое количество подобных накладок (4 ед.) встречены в комплексе из Зауралья Нижний Яр (Курганская область). Он был добыт в результате деятельности поисковиков и позднее в полном объеме оказался в частной коллекции¹. Этот комплекс конской узды и упряжи идентичен по набору из Актюба. В него входили серебряные налобники с фигурным и лепестковидным основанием, с навершием в виде рыбьего хвоста; 4 концевые серебряные с золотой плакировкой накладки с сюжетом переплетений стеблей и бутонов; 2 круглыми крупными и 21 мелкими серебряными с золотой плакировкой накладками, оформленными в виде округлых сферических, овальных или подква-

дратных выступов по краю, трех соцветий и переплетенных соплодий и стеблей смоквы; плоскими серебряными круглыми бляхами: 1 крупной, 2 средними и 12 мелкими; пряжками: подпружная серебряная с нанесенной золотой плакировкой цветка (трилистника) на носике и подобная трензельная мелкая; 2 небольшие концевые накладки, одна серебряная с золотой плакировкой и одна бронзовая, имеющие растительную орнаментацию (трилистник); остатки от удил, кольчатое грузило и декорированные обломки псалий (рис. 9).

Кроме уже упомянутых концевых накладок с переплетенными стеблями в этой коллекции особый интерес составляют круглые орнаментированные накладки с перекрестием стеблей, цветов (или плодов) смоквы. На наш взгляд в данном случае мы видим некий поиск новых изобразительных сюжетов карпатского стиля, который будет наиболее популярным впоследствии. В кургане 1 была также найдена накладка карпатского стиля, где четко прорабатываются стебли и цветки смоквы, как и на нижнеярских накладках.

Тюхтятская стилистическая группа. Если сrostкинская составляющая уже достаточно точно отслеживается в материалах Уелгинского комплекса, то более восточная – тюхтятская требует своего особого осмысления.

В 1987 году на юге Челябинской области в долине р. Большая Караганка (левый берег р.

Рис. 8. Погребальный комплекс Уелги, курган 11, насыпь.

Fig. 8. Uelgi burial assemblage, barrow 11, mound.

Урал) были исследованы своеобразные памятники, в которых на подкурганых площадках вместе с продуктами горения были обнаружены своеобразные керамические сосуды: высокие банки и кувшинообразные сосуды (вазы) с плавной профилировкой. Когда количество подобных памятников достигло 15 единиц стало очевидно, что мы имеем дело с особыми археологическими объектами, которые впоследствии были отнесены автором к памятникам «селенташского» типа (Боталов, 1996, с. 148–158).

При личной встрече Л.Р. Кызласов после ознакомления с материалами данного типа памятников предложил отнести их к комплексам, которые связаны с объектами средневекового хакасского населения тюхтятской культуры на территории Южного Зауралья.

С открытием могильника Уелги тюхтятская повестка получила свое особое значение. В коллекции поверхностных сборов и раскопок появились вещи (тройники с растительным орнаментом, прямоугольные накладки с растительным орнаментом, ажурные застёжки с фигурным носиком-выступом, наконеч-

ники ножен, сердцевидные бляхи с умбоном по центру) (рис. 10: 1–12).

Чуть позже появились ажурные подвески и арочные наконечники ремня с трилистником, связующим элементом в основании, а также концевые накладки с парными цветами смоквы.

В 2017 году в археологическую лабораторию ЮУрГУ² поступила интересная коллекция случайных находок у с. Дубровное, Ярковского района Тюменской области. Она состоит из четырех бронзовых предметов: накладки-застёжки (игольница), цельнолитой пряжки, Т-образной накладки-тройника и фигурной накладки с ушком (с остатками золотой плакировки), а также прямоугольной накладки из желтой бронзы. Это оказался характерный комплекс тюхтятской гарнитуры (Король, Конькова, 2007, рис. 1, 2, 3). Подобные вещи были найдены на раскопках городища Красная Речка (Семиречье) (Торгоев, 2003, с. 287, рис. 19, 24, 29, 30, 31; 2013, с. 389, 390, илл. 6. 1–7; 10, 12, 18, 19). Это цельнолитая пряжка с растительным орнаментом, подквадратная орнаментированная пряжка с прямо-

Рис. 9. Нижний Яр
Fig. 9. Nizhny Yar

угольной прорезью в нижней части, схожая с серией накладок с мотивом виноградной грозди (Король, Конькова, 2007, с. 145–156), накладка с ушком в нижней части, накладка в виде трехрогой лунницы, а также концевая накладка с растительной Н-образной орнаментацией, привязанной к округлому центральному ядру, оформленной растительными стеблями, а также концевые ременные накладки с характерными сюжетами растительного орнамента, расположенного ярусами по краям и по центру (рис. 10).

Появление новых стилистических традиций и линий, которые в основе своей несут манихейские символы, происходит непосредственно в южноуральской среде. Вероятнее всего здесь сказалось влияние Семиреченских столиц тюркских средневековых империй: Суяб, Мин-Булак, Баласагун и Невакет

(Красная Речка), где, как известно, находились многочисленные манихейские, несторианские и буддийские монастыри и храмы (Кызласов, 2006).

Возможно эти два культурно-идеологических вектора воздействия: восточный – Саяно-Алтайский и южный – Семиреченский имели решающее значение в сложении на Южном Урале новых особых и разнообразных стилистических групп: манихейская (несторианско-буддийская), синеглазовская, крюковско-кужновская, как составляющие мадьярской – карпатской, которая впоследствии и составила культурное своеобразие населения периода Обретения Родины в Карпатской котловине. В этой связи, вероятно сегодня нет смысла утверждать о некой «культурной утрате», которую понесли уральские мигранты по пути на новую Родину (Комар, 2018). По

Рис. 10. Тюхтятская стилистическая группа

Fig. 10. Tyukhtyaty stylistic group

всей видимости, они привнесли в Карпатскую котловину не только свое сложившееся культурное своеобразие, но и особую идеологию, которая отличала их (по крайней мере, элиту этого объединения) особым образом. Думается, что переселенцы не были в привычном

смысле просто шаманистами и язычниками, а представляли собой носителей своеобразной идеолого-религиозной доктрины. Однако этот вопрос требует своего отдельного углубленного исследования.

Примечания:

¹ К сожалению, местонахождение данной коллекции сегодня неизвестно.

² Благодарю коллегу А.Д. Таирова за предоставление в мое распоряжение уникальной находки.

ЛИТЕРАТУРА

Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 81–93.

Боталов С.Г. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 148–158.

Боталов С.Г. Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 3–34.

Боталов С.Г. Культурно-религиозные представления средневековых кочевников Южного Урала (на материалах погребального комплекса Уелги) // *Stratum Plus*. 2022. № 5. С. 45–64. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp2254564>

Боталов С.Г., Байоглу А. Распространение несторианства среди тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и Южного Урала в VI–XI вв. // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4 (57). С. 98–103.

Боталов С.Г., Грудочко И.В. Новые материалы по культуругенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) // *Археологія і давня історія України*. Вып. 7 / Гл. ред. Д.Н. Козак. Київ: вид. ІА НАНУБ ЦП НАНУ і УТОPIK, ЦОДПА, 2011. С. 79–99.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. Актюба – новый мадьярский комплекс в Южном Зауралье // *Труды КАЭЭ*. 2021. № 19. С. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-19-84-90>

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Григорьев Ф.П., Железняков Б.А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины. Доступно по URL: <http://www.vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> (дата обращения: 22.03.2023).

Грудочко И.В., Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI вв. (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный Мадьярский симпозиум (Челябинск, Шадринск, 13–15 августа, 2013 г.) / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110–138.

Древности Приднепровья и побережья Чёрного моря. Вып. 6 / Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко. Киев: Фототипия и тип. С.В. Кульженко, 1907. 44 с.

Железняков Б.А. О несторианстве Семиречья в средние века // *Известия МОН РК, НАН РК, Сер. общ.* 2002. № 1. С. 299–302.

Зеленцова О.В. Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов правобережья Волги // III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. (3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. Június 6–10) / Ред. Türk Attila, Александр С. Зеленков. Budapest: Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 2018. С. 279–301.

Зеленцова О.В., Митоян Р.А., Саприкина И.А. Поясной набор с позолотой из Крюковско-Кужновского могильника средневековой мордвы // *РА*. 2012. № 2. С. 42–51.

Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // *Türcologica*. К 80-летию академика А.Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный и др. Л.: Наука, 1986. С. 153–164.

Кляшторный С.Г., Плоских В.М., Мокрынин В.П. Раннее Христианство и тюркский мир Центральной Азии. Часть 1, 2 // *История Кыргызстана и кыргызов* Доступно по URL: <http://kghistory.akipress.org/find:%D0%A1.%D0%93.%D0%9A.%D0%BB%D1%8F%D1%88%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9,%20%D0%92.%D0%9C.%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85,%20%D0%92.%D0%9F.%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%BD/author>. (дата обращения 15.03.2013).

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Martin Opitz Kiado, PPKEBTK Régészettudományi Intézet; MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 2018. 426 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия X–XIII вв. // *Археологические вести*. 2007. № 14. С. 146–156.

Король Г.Г., Наумова О.Б. Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.). М.: ИА РАН, 2017. 128 с.

Кызласов Л.Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 2006. № 2. С. 138–150.

Кюннер И.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 351 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VII–XII вв. М.: Наука, 1981. 166 с.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Изд-е краеведч. музея, 1952. 232 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.

Нестеров С.П. Конь в культах тюрков племен Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1990. 140 с.

Подосенова Ю.А. «Древневенгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июля 2016 г. (3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. Június 6–10) / Ред. Türk Attila – Александр С. Зеленков. Budapest: Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – MTA BTK Magyar Östörténeti Támacsop, 2018. С. 121–136.

Рогожинский А.Е., Железняков Б.А. Клейма и тамги на двух серебряных сосудах из долины Шу и Монголии // Отан тарихы. 2019. № 3 (87). С. 167–183.

Ротт Ф.Г. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт. Бишкек: Илим, 2005. С. 44–51.

Рябцева С.С., Рабинович Р. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях IX–X вв. // Revista Arheologica. 2007. Vol. III, nr. 1–2. С. 195–230.

Савинов Д.Г. Расселение кимаков по археологическим данным // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 94–104.

Савинов Д.Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков в IX–X вв. // Тюркологический сборник. 1975/ Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1978. С. 209–225.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1979. С. 53–72.

Стоколос В.С. Курган на озере Синеглазово // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1962. С. 163–168.

Тельнов Н.П. Этнокультурная ситуация в IX веке в Нижнем Поднестровье и венгерский фактор // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 223–228.

Торгоев А.И. О хронологии наременных украшений Семиречья // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 2 / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб: ГЭ, 2003. С. 285–289.

Торгоев А.И. Звериные образы на ременной гарнитуре Семиречья // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург. 1–4 декабря, 2004) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб: СПбГУ, 2004. С. 338–341.

Торгоев А.И. Украшения караханидов (к постановке проблемы) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006) / Труды ГЭ. Т. 62 / Отв. ред. П.Б. Лурье, А.И. Торгоев. СПб.: ГЭ, 2013. С. 376–401.

У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX–начало XV в.) / История Южного Урала. Т. 5 / сост. С.Г. Боталов. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 392 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

Худяков Ю.С. Орнамент наборных поясов из погребения Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1983. С. 144–153.

A honfoglaló magyarság: kiállítási katalógus / Fodor István (Szerk.). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1996. 477 ol.

Arne T. La Suède et l'orient études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri, 1914. 240 p.

Dienes Istvan. A Honfoglalo Magyarok. Budapest: Corvina, 1972. 135 p.

Erwin Gáll, Gergely Szenthe. The problem of “structural integration”. A case study of the 9th–10th century burials (graves 49 and 50) at Hortobágy – Arkus // Materiale și cercetări arheologice (serie nouă). 2020. XVI. P. 181–197. <https://doi.org/10.3406/mcarh.2020.2134>

Heikel A. Antiquites de la Sibirie Occidentale. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1894. 206 p.

Horváth Ciprián. Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetők és szórványleletek a Nyugat-Dunántúlon I. Budapest: Magyarságkutató Intézet, 2022. 220 p.

Klíma László. Eastern religious motifs on the belt mounts of subotsi group, kushnarenkovo culture and lomovatovo culture (Восточные религиозные мотивы на поясных накладках субботцевской группы кушнаренковской и ломоватовской культур) // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 136–149.

Mesterházy Károly. Pántkarperecek a magyar honfoglalás korából // A Kaposvári Rippl-Rónai Múzeum Közleményei (6.). 2018. Pp. 187–230. DOI: 10.26080/krmkozl.2018.6.187

Révész L. A karosi Honfoglalás kori temetők: Regeszeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez. – Miskolc: Herman Ottó Múzeum; Magyar Nemzeti Múzeum, 1996. 500 ol.

Информация об авторе:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

REFERENCES

Akhinzhanov, S. M. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* (The Past of Kazakhstan based on Archaeological Sources). Alma-Ata: "Nauka" Publ., 81–93 (in Russian).

Botalov, S. G. 1996. In Tairov, A. D. (ed.). *Materialy po arkheologii i etnografii Iuzhnogo Urala* (Materials on the Archaeology and Ethnography of the Southern Urals). Chelyabinsk: "Kamennyi poia" Publ., 148–158 (in Russian).

Botalov, S. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 6, 3–34 (in Russian)

Botalov, S. G. 2022. In *Stratum Plus* (5), 45–64. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp2254564> (In Russian)

Botalov, S. G., Bayoglu, A. 2017. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* (Ural Historical Journal) 4, 98–103. (In Russian)

Botalov, S. G., Grudochko, I. V. 2011. In Kozak, D. N. (ed.). *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni* (Archaeological Researches in Ukraine) 7 Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 79–99 (in Russian).

Botalov, S. G., Tairov, A. D., Grudochko, I. V., Gazizova, S. R., Parunin, A. V. 2021. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta* (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University) 19, 84–90. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-7637-2021-19-84-90> (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* (Kudyrge Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes). Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Grigoriev, F. P., Zheleznyakov, B. A. *Nefritovaya podveska s krestom iz Chuyskoy doliny* (Nephrite pendant with a cross from the Chui Valley) Available at: <http://www.vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> (accessed 22.03.2023) (in Russian).

Grudochko, I. V., Botalov, S. G. 2013. In Boalov, S. G., Ivanov, N. O. (eds.). *II-y Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium* (Chelyabinsk, Shadrinsk, 13–15 avgusta, 2013 g.) (II International Magyar Symposium (Chelyabinsk, Shadrinsk, August 13–15, 2013)). Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 110–138 (in Russian).

Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. (comp.). 1907. In *Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'ya Chernogo moray* (Antiquities of the Dnieper region and the Black Sea coast) 6. Kiev: Phototype and typ. S. V. Kulzhenko (in Russian).

Zheleznyakov, B. A. 2002. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk* (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series) 236 (1), 299–302 (in Russian).

Zelentsova, O. V. 2018. In Türk Attila, Zelenkov, A. S. (eds.). *III-y Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium. Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.* (III International Magyar Symposium. Budapest, June 6–10, 2016). Budapest: Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – MTA BTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 279–301 (in Russian).

Zelentsova, O. V., Mitoyan, R. A., Saprikina, I. A. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (2), 42–51 (in Russian).

Kliashpornyi, S. G. 1986. In Kliashpornyi, S. G. et al. (eds.). *Türcológica. K 80-letiyu akademika A.N. Kononova* (*Türcológica. To the 80th anniversary of academician A.N. Kononov*). Leningrad: “Nauka” Publ, 153–164 (in Russian).

Kliashpornyi, S. G., Ploskih, V. M., Mokrynin, V. P. 2013. In *Istoriya Kyrgyzstana i kyrgyzov* (History of Kyrgyzstan and the Kyrgyz). Available at: <http://kghistory.akipress.org/find:%D0%A1.%D0%93.%D0%9A%D0%BB%D1%8F%D1%88%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9,%20%D0%92.%D0%9C.%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85,%20%D0%92.%D0%9F.%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%BD/author>. (accessed 15.03.2013) (in Russian).

Komar, A. V. 2018. *Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii* (History and Archaeology of the Ancient Hungarians in the Era of Migration). Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKE BTK Régészettudományi Intézet, MTABTK Magyar Östörténeti Társaság (in Russian).

Korol, G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* (Art of medieval nomads of Eurasia. Essays). Moscow; Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ. (in Russian).

Korol, G. G., Konkova, L. V. 2007. In *Arkheologicheskie vesti* (Archaeological News) 14, 146–156 (in Russian).

Korol, G. G., Naumova, O. B. 2017. *Khudozhestvennyy metall u kochevnikov* (Tsentral'naya Aziya rubezha I–II tys.). (Metal art pieces of nomads (Central Asia at the turn of the I–II millennium)). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 2006. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya VIII. Istoriya* (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series VIII. History) (2), 138–150 (in Russian).

Kyuner, N. V., 1961. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* (Chinese information about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East). Moscow: “Izdatel'stvo vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv.* (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Smirnov, A. P. (ed.). 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Kriukovsko-Kuzhnovskii mogil'nik. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P.P. Ivanova* (Materials on History of the Mordva of 8th – 11th Centuries. Kryukovo-Kuzhnovskii Burial Ground. P. P. Ivanov's Journal of Archaeological Excavations). Morshansk: Museum of Local Lore (in Russian).

Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X–XIII vv.)* (Early Russian Built-up Belt Decoration (10th–13th Centuries)). Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).

Nesterov, S. P. 1990. *Kon' v kul'takh tyurok plemen Tsentral'noy Azii* (Horse in the cults of the Turkic tribes of Central Asia in the Middle Ages). Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2018. In Türk Attila, Zelenkov, A. S. (eds.). *III-y Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium. Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.* (III International Magyar Symposium. Budapest, June 6–10, 2016). Budapest: Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – MTA BTK Magyar Östörténeti Társaság, 121–136 (in Russian).

Rogozhinsky, A. E., Zheleznyakov, B. A. 2019. In *Otan tarixi* (History of the Homeland) 3, 167–183 (in Russian).

Rott, F. G. 2005. In Kolchenko, V. A., Rott, F. G. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana* (Materials and research on the archaeology of Kyrgyzstan) 1. Bishkek: “Ilim” Publ., 44–51 (in Russian).

Ryabceva, S. S., Rabinovich, R. 2007. In *Revista Apheologica*. Vol. III, nr. 1–2, 195–230 (in Russian).

Savinov, D. G. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* (The Past of Kazakhstan based on Archaeological Sources). Alma-Ata: “Nauka” Publ., 94–104 (in Russian).

Savinov, D. G. 1978. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 1975: (Collected Papers on Turkic Studies 1975)*. Moscow: “Nauka” Publ., 209–225 (in Russian).

Savinov, D. G. 1979. In Matyushchenko, V. I. (ed.). *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sibiri* (History, archaeology and ethnography of Siberia). Tomsk: Tomsk State University, 53–72 (in Russian).

Stokolos, V. S. 1962. In Kuzeev, R. G., Salnikov, (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* (Archaeology and Ethnography of Bashkiria) I. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 163–168 (in Russian).

Telnov, N. P. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 6, 223–228 (in Russian)

Torgoev, A. I. 2003. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages) II. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 285–289 (in Russian).

Torgoev, A. I. 2004. In Savinov, D. G. (ed.). *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii* (Pictorial monuments: style, era, compositions). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 338–341 (in Russian)

Torgoev, A. I. 2013. In Lurje, P.B., Torgoev, A. I. (eds.). *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki. Na osnove materialov konferentsii «Sogdiitsy doma i na chuzhbine», posvyashchennoi pamyati B.I. Marshaka (1933–2006)* (Sogdians, Their Precursors, Contemporaries and Heirs Based on proceedings of conference “Sogdians at Home and Abroad” held in memory of Boris Il'ich Marshak (1933–2006)). Series: Transactions of the State Hermitage Museum 62. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ., 376–401 (in Russian).

Botalov, S. G. (comp.). 2019. *U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordyy (IX–nachalo XV v.)* (At the origins of the South Ural peoples. The Southern Ural in the era of the Golden Horde (IX–early XV century)). Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 5. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Khalikova, E. A., Khalikov, A. Kh. 2018. *Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskiy mogil'nik)* (Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshe-Tigansky burial mound)). Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: “Fen” Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1983. In *Plastika i risunki drevnikh kul'tur* (Plastics and drawings of ancient cultures). Novosibirsk: “Nauka” Publ., 144–153 (in Russian).

Fodor István. (Szerk.). 1996. *A honfoglaló magyarság: kiállítási katalógus*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Arne, T. 1914. *La Suède et l'orient études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings*. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri.

Dienes Istvan. 1972. *A Honfoglaló Magyarok*. Budapest: Corvina.

Erwin Gáll, Gergely Szenthe. 2020. In *Materiale și cercetări arheologice (serie nouă)*. XVI. P. 181–197. <https://doi.org/10.3406/mcarh.2020.2134>

Heikel, A. 1894. *Antiquités de la Sibirie Occidentale*. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise.

Horváth Ciprián. 2022. *Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetők és szórványtelepek a Nyugat-Dunántúlon I*. Budapest: Magyarságkutató Intézet.

Klima László. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 6, 136–149 (in English).

Mesterházy Károly. 2018. *Pántkarperecek a magyar honfoglalás korából*. In A Kaposvári Rippl-Rónai Múzeum Közleményei (6.). P. 187–230. DOI: 10.26080/krrmkozl.2018.6.187

Révész, L. 1996. *A karosi Honfoglalás kori temetők: Regeszeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez*. Miskolc: Herman Ottó Múzeum; Magyar Nemzeti Múzeum.

About the Author:

Botalov Sergey G. Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; South Ural State University, Lenin prospekt, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2024 г.
Статья принята к публикации 01.12.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу